

Как я рад, что ты живой

ИСПОЛНИЛОСЬ 120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА МАЯКОВСКОГО. «ВЕЧЁРКА» ВСПОМИНАЕТ, ЧТО СВЯЗЫВАЛО ЕГО С ПЕТЕРБУРГОМ

Не оставляет изумление: Владимир Маяковский всегда кажется совершенно московским поэтом. Думается, что Москва подходит ему по темпераменту. Что он принадлежит советской эпохе, сделавшей вновь Москву столицей. Что, наконец, он умер и похоронен в Москве, а это вроде бы дает городу некоторые права на своего постоянного обитателя... Вот теперь ему 120, и дано было ему по вере его: он сам живой, а не мумия. Поэтому его и любят. Не за гробный вздор! И в духе живой и противоречивой природы поэта — в Петербурге находится такое великое множество мест, помнящих его, что Петербург в пору назвать городом Маяковского.

1 «ПОРОСИТЕ ШЕРСТЬЮ КРАСАВЦЫ-САМЦЫ»

Началось все здесь осенью 1912 года. 19-летний Владимир Маяковский приезжает в Петербург впервые, ночует у знакомого адвоката, а утром приходит в доходный дом потомственного почетного гражданина купца П. П. Чеснокова — номер восемь по Белозерской улице (сейчас улица Воскова). Это был не просто красивый дом в стиле модерн на Петроградской стороне. Это было общежитие, где коммунары жили петербургские футуристы.

Называли дом гордо — «Гилейский форт Шаброль». Таким вот названием футуристы дразнили всю петербургскую публику.

Где именно в доме располагалась комната — неизвестно. Зато известен быт «форты».

Ул. Воскова, 8, где коммунары жили петербургские футуристы.

Георгий Иванов, в те годы также футурист, вспоминал: «Мебели не было — сидели на чемоданах, спали на соломе. С утра пили водку — кофе в их коммуналке не полагался. Стряхивали папиросный пепел в блюдо с закуской <...> Закуску съедят, окурки в мусорный ящик, и посуда готова для обеда. Толковали о способах взорвать мир и о делах более мелких. Крученных совещался, что ему читать на предстоящем вечере, а главное — как: просто ли обругать публику или потребовать на эстраду чаю с лимоном, чай выпить, остатки выплеснуть в слушателей, прибавив при этом: «Так я плюю на низкую чернь».

Другой футурист, Бенедикт Лившиц, в своих мемуарах

«Полтораглазый стрелец», вспоминал, каким впервые увидел Маяковского: «...высокого роста темноглазый юноша <...> Одетый не по сезону легко в черную морскую пелерину со львиной застежкой на груди, в широкополой черной шляпе, надвинутой на самые брови, он казался членом сицилианской мафии, игрою случая заброшенным на Петербургскую сторону. <...> Однако достаточно было заглянуть в умные, насмешливые глаза, <...> чтобы увидеть, что все это — уже поднадоевший «театр для себя», которому он, Маяковский, хорошо знает цену и от которого сразу откажется, как только найдет более подходящие формы своего утверждения в мире».

2

«ПАВЛИНЫМ ХВОСТОМ РАСПУЩУ ФАНТАЗИЮ»

Невский, 88, пристанище «Сатирикона».

И все-таки образ был хорош. Слава в богемной среде пришла быстро. Однако известность еще не была достаточной, чтоб не думать о хлебе насущном, не искать новые места для публикаций. Тем более что началась война...

В автобиографии («Я сам») Маяковский полушуточно, полусерьезно пишет:

«В рассуждении «чего б покушать» стал писать в «Новом Сатириконе».

«Новый Сатирикон», наследник «Сатирикона» обычного, был еженедельным журналом сатирически-либерального, антивоенно-го духа. Там попадались и просто юморески, и пикантные эротические тексты. Но главное — имена авторов. В «Сатириконе» печатались Саша Черный, Тэффи, Аркадий Аверченко, Александр Куприн, а графику для него делали Ре-Ми, Кустодиев, Бакст, Билибин, Судейкин... Находился он в месте, подобающем для собрания таких талантов: в доме №88 на Невском проспекте.

Маяковский впервые выступил в №9 «Но-

вого Сатирикона» (26 февраля 1915 г.) со стихотворением «Гимн судьбе»:

*В бедном Перу стихи мои даже
в запрете под страхом пыток.
Судья сказал: «Те, что в прощанье,
тоже спиртной напиток».*

Потом было еще 27 публикаций, антивоенные стихи. И между прочим — запрещенный цензурой отрывок из поэмы «Облако в штанах». Но это было уже в самом конце сотрудничества с журналом, в 1917-м. После революции «Новый Сатирикон» закрыли.

А теперь, в 1915-м, Маяковский узнал более широкий круг публики. Чтобы закрепить успех, в августе 1915 года поэт напечатал саморепрезентацию — статью «О разных Маяковских». Журнал, где эта публикация состоялась, назывался тоже горделиво — «Журнал журналов» да и располагался недурно — на Невском, 83, в доме близ Московского вокзала.

Сейчас там продают золотые украшения и косметику.

Невский, 83, где квартировал «Журнал журналов».

А тогда Маяковский, принеся в редакцию статью, напомнил всем:

*«Я — нахал, для которого высшее удовольствие
свалиться, напав на желтую кофту, в
сборище людей, благородно берегущих под чин-
ными спортуками, фраками и пиджаками
скромность и приличия».*

Я — циник, от одного взгляда которого на
платье у оглядываемых надолго остаются
сальные пятна величиною приблизительно в
десертную тарелку.

Я — рекламист, ежедневно лихорадочно
проглядывающий каждую газету, весь в на-
дежде найти свое имя <...>

Таков вот есть Владимир Владимирович
Маяковский, молодой человек двадцати двух
лет».

Звучит по-королевски. А впрочем, кем же
он себя еще считал — вопреки всем марксист-
ским убеждениям?

В 1915-м же году Маяковский заходит в Дом инженеров путей сообщения на Бородинской улице, 6, — тут останавливались приезжающие в Петроград инженеры. Но футуристы манила на этот раз не индустриальная эстетика. В этом же доме в тот год обосновалась экспериментальная театральная студия Всеволода Мейерхольда. Маяковский познакомился с режиссером. И подарил ему уже вышед-

Бородинская, 6. Здесь Маяковский познакомился с Мейерхольдом.

шую книгу «Облако в штанах» с надписью: «Королю театров от короля поэтов».

Они хорошо понимали друг друга — обоих тянуло к ярким краскам, резкому свету, контрастам, сатире. Недаром же Мейерхольд потом стал главным постановщиком Маяковского, воплотившим на сцене «Мистерию Буфф», «Баню» и «Юлопа».

Но это все уже немного позже, после революции. А пока — новые короли жизни обзевали рушащийся на глазах имперский ландшафт. Парадоксально: они-то считали себя зачинателями новой жизни. А оказались — последними реликтами жизни старой. Создать что-то они могли только из обломков прежнего. На расчищенной пустоши им не было места.

3 «ВСЕ БЕГУТ ОТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОТОПА»

Один из соратников Мейерхольда, режиссер и актер Борис Пронин, в 1916 году открыл в доме №7 у Марсова поля последний оплот прошлого — «Привал комедиантов» — литературно-художественное кафе, продолжившее традиции закрытой годом ранее «Бродячей собаки». Там царил еще больший декаданс — «болезненно-роскошные» интерьеры, фрески, символы комедии дель арте... «К «Привалу» стали приваливаться остатки фешенебельного и богатого Петербурга», как определил это Маяковский.

Сам он выступал здесь 16 марта 1917 года. Заходил, конечно, и просто так, в качестве зрителя.

Об одном из таких визитов рассказывают: однажды Маяковский был с Лилей Брик в «Привале». Уходя, Лиля забыла сумочку, и Маяковский вернулся за ней. Поблизости сидела другая знаменитая женщина тех революционных лет — журналистка Лариса Рейснер. Она печально посмотрела на Маяковского.

— Теперь вы будете таскать эту сумочку всю жизнь, — с иронией сказала она.

— Я, Ларисочка, эту сумочку могу в зубах носить, — ответил Маяковский. — В любви обиды нет.

Оказывается, с «Привалом» связано и это до сих пор знаменитое и всем близкое стихотворение:

*Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй.*

В 1927 году Маяковский вспоминал, как оно написалось в «Привале»: «В такт какой-то разухабистой музычке я сделал двести стихов... Это двести стихов стало моим любимейшим стихом: петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку: «Ешь ананасы... и т. д.».

«Привал комедиантов» постепенно обветшал, перестал пользоваться популярностью и был закрыт в 1919 году. Видимо, некому было туда уже прийти.

А великолепные залы затопило наводнением в 1924 году, уничтожив уникальные росписи.

Скоро волны этого потопа настигли и прочих уцелевших. И какое-то время над водами горел огонь маяка, но после потух и он.

Марсово поле, 7. Место «Привала комедиантов» — последнего оплота минувшей эпохи.

ОТ РЕДАКЦИИ. Пять лет назад, к предыдущей круглой дате, в нашей газете вышел материал о Владимире Маяковском. Мы задумались — ну что еще добавить? А оказалось — и добавлять ничего не надо. О фактах биографии — знают со школы. О вновь вскрывшихся — позаботилось рассказать ТВ 19 июля, прямо в день рождения. Наша прогулка по маяковскому Петербургу — просто дань нашей культурной памяти, просто грустный взгляд в недостижимую высоту ушедшего навсегда прошлого. Уж простите за тавтологию...

Федор ДУБШАН, фото Натальи ЧАЙКИ

По России с интернетом

150 РУБ МЕС

Подключите *628#C

МТС от слов и цифре

Интернет предоставляется в рамках опции «СуперБИТ». Стоимость указана с НДС и действует до 31.08.2013. Данная опция доступна абонентам всех тарифных планов, за исключением линейки «МТС Коннект», «SIM», «Онлайнер», «Супер Онлайнер», «МТС iPad», «Классный», «Заботливый», «i-Онлайнер», «Ultra» и некоторых других. Подробности о списке тарифов, где действует опция, и прочих параметрах предложения — на www.mts.ru (18+).